

СЕЛО ПОД ОБЛАКАМИ

СЕЛО Ачайваам находится, как говорится, в народе, у черта на куличках. Целых сто двадцать километров до ближайшего поселка-снабженца Усть-Пахачи по непроходимой заболоченной тундре. Расположено национальное село на небольшом языке земли, при впадении реки Ачайваам в р. Алуку, куда летом «только самолетом можно долететь». Да разве еще на моторной лодке можно добраться из рыболовецкого колхоза имени XX партсъезда, что стоит в устье реки Алука. Только чтобы завезти какие-либо грузы по реке, много лодок понадобится.

Все снабжение и стройматериалы доставляются сюда в основном зимой, тракторами, по скованной льдом реке. Вертолетом много не навозишься — можно и в трубу вылететь: 740 рублей стоимость одного часа эксплуатации.

И, наверное, давно бы уже разбежались все 840 жителей села, если бы не существовал здесь оленеводческий совхоз «50 лет СССР». В пяти звеньях насчитывается десять тысяч голов государственных животных и четыре тысячи личных, принадлежащих коренному населению поселка.

Интересное получается соотношение. В оленесовхозе работает 196 человек, а оленеводов из них — всего 70.

Семьдесят человек, вокруг которых и за счет которых существуют все остальные жители села. Этим остальным нужны квартиры, удобства, сфера обслуживания и все необходимое для нормальной человеческой жизни. А сами пастихи (будучи тоже людьми) плачат жалкое существование при табунах, в оторванности от мира, без достаточного обеспечения продуктами. О каком качественном снабжении оленеводческих звеньев можно говорить, если, находясь на «своей» земле, прогоняя стада мимо кишящих рыбной рекой, они по «закону» не могут выловить ее для себя без... промыслового билета, выписываемого районной рыбинспекцией. Нет, они, конечно же, рыбу ловят. Но что будет, если их «на месте преступления» накроет рыбаод и не окажется этого злополучного билета?

О фрунтах в тундре и мечтать не приходится. Все витаминны и калории заменят оленина. Мясо на первое. Мясо на второе. Мясо... на третье. Вы удивлены? Объявляю. Сахар и чай сейчас выдаются по «норме» на человека. Здесь уместно спросить: по какой норме? Для русского, который часто чай пьет только потому, что больше «пить» нечего? Или — для чучки, эвена, норьяка, для которых чай является важной составной частью нормальной жизни?

Прилетел я в Ачайваам в воскресенье. Стояла ясная погода. Юго-западный ветер гнал по синему небу белые кучевые облака.

Село как будто вымерло. Все взрослое население, оказывается, выехало в тундру за ягодами и грибами. Только в прорытой вдоль улицы кабельной траншее, местами залитой водой, копошились несколько чумазых ребятнишек, не проявивших ко мне ни малейшего интереса.

На каждом из двухэтажных деревянных домов висели старые, выцветшие от времени, лозунги, с полблекшим смыслом: «Здание пятилетки выполним досрочно!», «Пьянству

шил лимиты для Дальнего Востока. Все завозим с боем. Хорошо, что у нас в селе еще нет острой жилищной проблемы. Квартирами все обеспечены, а то, что делали бы, не знаю. Зато много семей нуждается в улучшении жилищных условий.

Строительство сейчас у нас ведется двумя бригадами. Совхозная — должна хозяйством освоить фондов на 284 тысячи рублей, а бригада Тиличкиского СМУ — на 480 тысяч. Строим двенадцати- и восьмиквартирные дома, новую баню;

ваются, до нас доходит один великий. Им там, видите ли, лучше знать, какой больнице, что нужно в первую очередь. Пусть район отдаст деньги, запланированные нашей больнице. Я сам распоряжусь ими с большей пользой. А перед ними отчитаюсь по полной форме.

Сейчас я, терапевт, здесь единственный врач — по всем специальностям. Раньше таких называли земскими: и хирург, и стоматолог, и акушер. Фельдшеры и медсестры у нас

мотоцикле, кто — просто лещом, волоча в оттягивающих руках ведрах насыпанные горкой душистую морошку, подпорченную, будто инеем, белым микробным налетом фиолетовой голубику и такую же на вид, только продолговатую — жемчужину.

Возле клуба я разговаривал с преподавателем средней школы-интерната, звеном по национальности Верой Николаевной Кобелевой. Мои вопросы касались жизни молодежи коренного населения.

— С нашей интернатской системой обучения и воспитания детей оленеводов, мы отрывали нынешнее поколение от его корней. Выросшие на полном государственном обеспечении, они ничего не могут и не хотят делать сами. Кому же стало развиваться воровство, хулиганство, браконьерство, чего раньше в этих краях никогда не было. А все потому, что к нам в интернат «ссылали декабристов» из всех районов области и даже из Петропавловска. Так мы называем трудновоспитуемых подростков, от которых откормываются «цивилизованные» интернаты. А здесь — глушь. Отсюда, если что и натворили, далеко не убежишь. С мальчишкой хотел сбежать зимой в Пахачи — ноги отморозил.

Молодежь не идет в табуны. В лучшем случае парни, возвращаясь из армии, работают на стройке. В свободное время им и здесь заняться нечем. А в кочевьях — вообще тоска. Летом хоть на рыбалках пропадают, а зимой только знают, что искать, где бы выпить.

Сейчас, правда, секретарь комсомольской организации совхоза видеоманитовон в салон привозит. Сделали видеосалон в клубе. Но и это привлечение в основном для ребят средних классов. Старшие уже заняты.

Как будто в подзабытых ее словах, мимо нас, шатающихся и матерясь, пролетели два парня. Один аккуратно придерживал обеими руками что-то за пазухой.

Из клуба выглянула быстроглазая девчонка, позвала нас быстрее заходить, а то кино началось — нужно закрыть дверь. Вера Николаевна затаропилась. Парни только посмотрели на девчонку и пошли дальше.

Я поблагодарил учительницу за интересный, но такой печальный рассказ и направился к общежитию.

Когда я улетаю, свежий ветер так же быстро гнал на северо-восток белые кучевые облака. А под облаками оставалось стоять далекое камчатское село, от которого до Креста высоко, до начальства далеко.

Г. СТРУНАЧЕВ,
наш спец. корр.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЕЛ

— бой!», «Решения партии — в жизнь!» и многие другие.

Через некоторое время увидел первых представителей местного населения. Навстречу мне, по противоположной стороне улицы, виляя, мчался мотоцикл с двумя молодыми черноволосыми парнями. Тот, что был за рулем, по-видимому, уже плохо видел (чуть не влетел в траншею), а у сидящего на заднем сидении голова от тряски переваливалась с одного плеча на другое. Зато крепко в опущенной руке он держал за капроновую крышку трехлитровую банку с мутной жидкостью.

За углом строящейся новой двухэтажки я наткнулся еще на двоих «мотоциклистов». Они на четвереньках лазили вокруг упавшего «Ковровца», тщетно пытаясь его поднять.

Отметив про себя, что национальная молодежь очень увлекается техникой, я обратился к парням с вопросом, как найти директора совхоза. Те оставили мотоцикл, долго и пристально на меня смотрели, потом, так и не поняв, что от них хотят, стали продолжать свое занятие.

Директор оленеводческого совхоза Н. Д. Епринцев находился в отпуске, и его обязанности на этот период исполнял прораб Виктор Васильевич Гайдаев. Его я нашел дома. Он тоже было собрался уезжать в тундру.

С точки зрения прораба:

— По проблемам оленеводства я вам компетентно мало что могу сказать — сам я строитель. Замещаю директора исключительно случайно: все в отпусках — больше никому, — сказал Виктор Васильевич. — Вот разве что... Ведом сейчас в табунах вынужденный забор оленей — приблизительно 400 голов, заболевших копыткой. Зимовка была трудная.

Что касается проблем строительства, то, пожалуйста. Одна из важнейших — нехватка стройматериалов. После трагедии в Армении наш Агропром на пятьдесят процентов умень-

пристраиваем к больнице амбулаторию. Кстати, зайдите к главврачу, он вам поведаст о своих проблемах.

Самая большая наша беда — пьянство среди молодежи коренной национальности. Спиртное не продают. Так пьют все, что горит. А старики снова мухомор стали употреблять. Не знаю, может, уж тогда лучше водку начать продавать, хотя бы перед выходными днями. Чем провоцировать их на браговарение и прочее непотребное питье?

Овощи мы выращиваем свои, в теплицах. Продаем в магазине помидоры по три рубля за килограмм и огурцы — два пятьдесят. Яйца, молоко, творог — тоже со своей фермы, а вот с мясом туго. Тушенки нет... Сладостей нет, соков, тортов, а сахар с маслом — по карточкам. Нормы, что для вас в городе, где вы, помимо сахара, можете кондитерские изделия покупать. А здесь мы ничего дополнительно не имеем.

Распрошавшись с Гайдаевым, я направился в больницу.

С точки зрения главврача:

Главврач Сергей Николаевич Перевозниченко встретил враждебно: «Не верю, что вы мне можете чем-то помочь. Стоит ли вообще вести в камчатской прессе разговор о здравоохранении, если общесоюзная эти проблемы не может с мертвой точки сдвинуть?».

— Так хоть обратят свои «пристальные» взоры наши камчатские командиры на маленькую точку вашего села на карте, — говорю.

— Ну, тогда записывайте, — махнул откровенно главврач рукой. — Прежде всего, отбили мне охоту за восемь лет лечебных мытарств в Ачайвааме наши районные руководители работать с полной отдачей. Это централизованное снабжение наконец разорило сельские больницы. Оборудование нет никакого. Все контейнеры с заказами для нашей больницы вскрываются в Тиличках, разуконплектовыв-

есть, а врачей вот не присылают. Сколько прошу направить хотя бы зубного техника — бесполезно. Приходится самому и отчеты за работу всех лечебных отделений составлять. Разумеется, от проворачивающих тоже за всех достаётся.

А что мне стоило добиться строительства второй половины больницы? Еще проблема проблем — аптека. И фармацевт свой есть — помещения не дают. Заместитель начальника по лечебной части центральной районной больницы в Тиличках А. А. Левенчук говорит, что под аптеку обязательно нужна трехкомнатная квартира, а их у нас нет. И приходится чукчам с рецептами в Пахачи ездить. Но ведь билет-то рубль стоит, а лекарства — копейки.

В условиях отдаленности у нас должна быть хотя бы минимальная реанимация. Это же пародия на здравоохранение: в конце XX века делать искусственное дыхание методом «рот в рот». А мы еще говорим о СПИДе!

В Америке, например, больницы подобного содержания имеют компьютерный центр, по видеоканалу которого в любое время можно получить квалифицированную консультацию, а у нас... пока дозвониться до района...

Не заинтересован никто в улучшении лечения. В этом году наша больница получила денег на охрану здоровья меньше, чем любая другая в районе. А ведь у нас в год 5.700 посещений и 3.100 стационарных больных, в основном дети. Но больничных листов не больше, чем в Тиличках или Корфе.

Все пересказанное мной от имени «земского» врача Ачайваамского фельдшерско-акушерского пункта (так он еще значится в документации), являясь только малой частью проблем села.

К вечеру из тундры стали возвращаться жители села. Кто на выделенной для этой поездки совхозной машине, кто на